

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

МАКСИМ БАТМАНОВ

ФАВОРИТЫ –
«ТЕМНЫЕ
ЛОШАДКИ»
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

ОТ МАЛЮТЫ СКУРАТОВА
ДО ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

10

САМЫХ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ
ПРИБЛИЖЕННЫХ
РОССИЙСКИХ ВЛАСТИТЕЛЕЙ

Максим Юрьевич Батманов
Фавориты – «темные
лошадки» русской истории.
От Малюты Скуратова до
Лаврентия Берии. 10 самых
влиятельных приближенных
российских властителей
Серия «Личность в истории (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70011457

*Фавориты – «темные лошади» русской истории. От Малюты Скуратова до Лаврентия Берии. 10 самых влиятельных приближенных российских властителей: Издательство АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-159073-4*

Аннотация

Они – тень и кость власти, кровь и трепет народа. Те, чьими руками и умом вершились судьбы России. Любимцы царей, возлюбленные императриц, доверенные лица императоров и вождей. Фавориты.

Кровавые соратники Скуратов и Берия. Недооцененные реформаторы Аракчеев и Голицын. Тайные мужья Потемкин

и Разумовский. Властолюбцы Никон и Бирон. Царские друзья Меншиков и Распутин.

Десять судеб, ставшие символами прошлых эпох. Автор с помощью великих историков прошлого и подлинных документов освещает жизни влиятельных людей, по-своему видевших величие России.

Сохранен издательский макет.

Содержание

Десять знаменитейших фаворитов русских монархов и одного вождя	6
Малюта Скуратов: слуга и сообщник царя Ивана Грозного	7
Царь Иван Грозный как строитель Русского централизованного государства	8
Учреждение опричнины	12
Малюта Скуратов: вопрос происхождения и подлинного имени	15
Соперники Скуратова: Вяземский и Басманов	18
Убийство удельного князя Владимира Андреевича Старицкого и его семьи	21
Убийство бывшего митрополита Филиппа	24
Расправа с Новгородом	26
Расправа с соперниками	30
Сожжение Москвы крымским ханом.	33
Очередные «чистки»	
Упразднение опричнины. Царский воевода	35
Гибель Скуратова. Месть за него царя	37
Потомство. Наследие	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Максим Батманов

Фавориты – «темные

лошадки» русской истории.

От Малюты Скуратова

до Лаврентия Берии.

10 самых влиятельных

приближенных

российских властителей

© Батманов М., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Десять знаменитейших фаворитов русских монархов и одного вождя

Фаворитизм в истории России. Обычно при этих словах представляются богатые, но глупые любовники императриц, умевшие льстить и угождать монархам.

Однако не все фавориты были такими. В некотором смысле фавориты были отражениями своих правителей с их достоинствами и недостатками.

Мы начинаем цикл о десяти наиболее известных фаворитах в русской истории. Среди них были разные люди, и всем им история определила свое место. Каждый из них рельефно выразил в своей деятельности достижения и просчеты своих покровителей.

Русская история – это история не только правителей, но и их доверенных любимцев, оказывавших первостепенное влияние на политику государства.

Малюта Скуратов: слуга и сообщник царя Ивана Грозного

Кровавые казни опричнины прочно связались в сознании современников с именем не только царя Ивана Грозного, но и самого доверенного его лица в то время – Малюты Скуратова. При упоминании опричников нам представляются орды убийц, приторачивавших к седлам метлы и собачьи головы, а имя Малюты Скуратова не вызывает ничего, кроме дрожи омерзения.

Историческая действительность оказывается, как всегда, несколько сложнее стереотипов. Да и сама эпоха опричнины лишена одноцветной окраски. Мы собираемся посвятить вас в тайны московской политики второй половины XVI века, когда укреплялось Русское централизованное государство. Укреплялось оно в том числе и такими методами, которые тесно соединились в нашей памяти с образами кровавого тирана и его не менее жестокого соратника.

Что поделать: это наша история.

Царь Иван Грозный как строитель Русского централизованного государства

Иван Грозный считается ключевой фигурой русского Средневековья, ведь именно при нем укрепилось Российское государство с центром в Москве. Несомненно, личные качества царя оказали сильное влияние на характер формировавшейся под его начальством державы, наложив на нее отпечаток на много веков вперед.

Иван IV родился в 1530 году и был старшим из сыновей московского великого князя Василия III. Младший сын, Юрий, рос глухонемым и никакой опасности для власти будущего царя не представлял.

На трон были другие претенденты. Когда Василий III умер, его малолетний наследник был провозглашен великим князем Московским. Его интересы в ту пору защищала мать, Елена Глинская, которая фактически стала царицей-регентом при малолетнем сыне.

В первые же дни правления Глинской был заключен в темницу один из дядьев Ивана IV, двух младших братьев Василия III – удельный князь Дмитровский – Юрий. Через три года он умер в тюрьме. Другой дядя Ивана IV – удельный князь Старицкий Андрей поднял мятеж против Глинской и

племянника. Конфликт исчерпал себя до поры до времени, а князь Андрей был схвачен во время переговоров и умер в темнице.

Так Иван IV был свидетелем этих событий и с самого детства познавал тайны московской политики и те средства, с помощью которых держался престол.

Правление его матери неожиданно закончилось – она умерла, предположительно, от яда. Меньше чем через неделю бояре арестовали ее любимца, с помощью которого она вершила свои дела, – князя Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского. Его постигла в тюрьме та же судьба, что и князя Андрея Старицкого.

Детство Ивана IV было наполнено грязными и кровавыми сценами дворцовых мятежей, борьбы за влияние на него, еще юного великого князя. При этом сами бояре ничуть не считались ни с эстетическими, ни с человеческими чувствами, ни с достоинством подрастающего государя. Все это не могло не оказать влияния на характер будущего царя.

Самостоятельное правление Ивана IV, когда он вошел в совершенные лета, началось с благих дел. Сперва великий князь возжелал венчаться на царство – первым на Москве, затем жениться. Его супругой стала благонравная дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина (будущего основателя династии Романовых) – Анастасия. С ее именем современники и потомки связывали добрые начинания первых

лет царствования Ивана IV.

С 1549 года Иван IV созывает первый Земский собор на Руси, который принимает свод законов – Судебник (1550 год). Затем он отменяет так называемые «кормления»¹ – бесконтрольные, хищнические обогащения наместников в управляемых землях – и дает областям Русской земли право ограниченного самоуправления. В этот период молодого Ивана IV окружают умные, благородные советники, среди которых особенно выделяются Алексей Адашев, князь Андрей Курбский, митрополит Макарий, протопоп Сильвестр. Этот кружок приближенных Ивана IV Андрей Курбский назвал Избранной радой.

Русские войска при Иване IV покоряют сначала Казанское ханство, затем Астраханское, и вся Волга до самого устья сделалась русской рекой. По одной из версий, с тех пор он приобретает у современников прозвище Грозный – в смысле грозы для внешних недругов Руси. После военных побед над осколками Золотой Орды, в 1558 году Иван IV начинает войну с Ливонским Орденом за выход к Балтийскому морю.

Эта война стала неудачной и оказала огромное влияние на все дальнейшее царствование Ивана IV. Ливонский Орден был разгромлен быстро. Однако на его земли предъяви-

¹ *Кормление* (от стар. слав. корма – управление) – способ содержания должностных лиц за счет местного населения (в противовес регулярному жалованию, выплакивавшемуся из казны).

ли претензии Речь Посполитая (до 1569 года – Великое княжество Литовское), Дания и Швеция. Иван Грозный не захотел с ними делиться. Война с этими противниками Московского государства продлилась четверть века. Все действия царя во внутренней политике в это время можно рассматривать как спонтанную реакцию на неудачно пошедшую войну. Иван Грозный видел корни неудач во внутренней крамоле и всю жизнь искал вокруг себя заговорщиков.

На характер царя также повлияла неожиданная смерть его молодой любимой жены. До конца жизни Иван IV был уверен в том, что ее отравили тайные враги.

Подозрительность царя росла и совпала с распадом Избранной рады, и начались очередные казни Ивана IV. Адашева и Сильвестра постигла опала, первый умер в тюрьме, второй удалился в монастырь. В 1564 году на сторону противника перебежал, убоявшись казни, Андрей Курбский.

Учреждение опричнины

В декабре 1564 года вся Москва была в смятении: царь собрался на богомолье – посещение святых мест и монастырей. С семьей и домочадцами, с небольшим количеством слуг Иван IV покинул столицу, осиротив, по тогдашним понятиям, москвичей.

После посещения Троице-Сергиевого монастыря царь отправился в Александровскую слободу. Оттуда он прислал в столицу две грамоты, согласно которым Иван IV отказывался от престола. Одна была обращена к простым людям и гласила, что царь не держит на них зла. Вторая адресовалась к боярской думе и синклиту высшего духовенства. Они обвинялись царем в том, что покрывают злоумышленников против государства и крамольников.

Обе грамоты были всенародно зачитаны на площадях Москвы. Назревал мятеж. Народ был готов избивать бояр и епископов. Те были вынуждены бить государю челом, молить его вернуться в Москву и «класть свой гнев на крамольников» без ограничения.

Историки до сих ищут причины этой комедии с отъездом из столицы. Неужели царь и так не мог получить в свои руки неограниченную власть против тех, кто казался ему изменниками? Видимо, не мог либо считал эту власть недостаточной без такого шага.

Как бы то ни было, царь потребовал выделить себе в непосредственное управление особый удел, который назвал так, как называлась вдовья доля в наследстве, – опричнина. На этой территории царь создал свою Думу, свои приказы, свое особое опричное войско. На остальной территории государства действовали прежняя боярская дума, приказы и т. д. Эта территория называлась земщиной.

Так под верховной властью царя Россия разделилась на две параллельно управляемые части.

Историки до сих пор спорят о смысле учреждения опричнины. Это выглядело как создание царского удела, независимого от традиционных органов центрального управления. Но ведь эти традиционные органы тоже контролировались царем, и после учреждения опричнины власть царя над Земщиной нисколько не уменьшилась. **Особое войско опричников бесчинствовало и там, и там.**

«Хотелось как лучше, а получилось как всегда», – этот случайный, но великий афоризм одного российского государственного деятеля конца XX века подходит к очень многому в нашей истории.

Одно, похоже, было ясно царю: это полная свобода «класть опалы» на любых знатных людей, подвергать их казням, конфисковывать их земельные владения и раздавать их своим людям из опричнины.

Некоторые, как, например, историк середины XIX века Сергей Соловьев, считали опричнину попыткой заменить

боярский правящий слой дворянством. Но это не так. Бояре и дворяне были и в опричнине, и в земщине.

Другие считают создание опричнины простым умопомешательством царя. И они, по-видимому, ближе к истине. Разделение государства больше походило на проявление раздвоения сознания самого Ивана Грозного. Он сам предстает в эти годы то вменяемым политиком, особенно в международных делах, то неистовым кровавым тираном внутри страны. Иногда обе черты совмещаются в нем в одно и то же время.

Малюта Скуратов: вопрос происхождения и подлинного имени

Подлинное полное имя Малюты Скуратова было Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский. Малюта – это прозвище. Достоверно неизвестно, за что он его получил. Есть три версии.

По одной, у его отца было два сына по имени Григорий, а наш Скуратов был младшим из них, вот его и стали называть, в прибавление к имени, Малютой. По другой, его прозвали так за маленький рост. Третья версия гласит, что «Малюта» – всего лишь издевательское переименование присказки, которую он сам часто употреблял. Обращаясь к собеседнику, Скуратов начинал со слов: «Молю тя».

Очень много дурного было придумано про его происхождение. Понятно, что к родовитой знати Скуратов не относился. Он носил фамилию Бельских, как и один из княжеских родов. Однако ни в какой родственной связи с князьями Бельскими Скуратовы не состояли. По всей видимости, эта вторая фамилия произошла от местности, где были поверстаны земель за военную службу предки Скуратова. Земли эти располагались в окрестностях города Белый (ныне в Тверской области).

Существует версия, что Скуратов происходил из литов-

ской шляхты и подлинным его именем было Гжегож Бельцкий от города Бельцы (ныне несуществующего) на территории нынешней Белоруссии. Однако, как представляется, есть больше оснований доверять книгам Иосифо-Волоколамского монастыря близ Москвы. В них упомянуты имена обоих дедов Григория Скуратова, являвшихся вкладчиками этого монастыря. Вкладом в монастырь на Руси называли взнос деньгами или землей, делавшийся в какую-нибудь известную обитель, чтобы ее монахи поминали имя вкладчика на церковных службах в течение многих лет после его смерти.

Год рождения Скуратова достоверно неизвестен. Он приблизительно устанавливается по косвенным данным. Первое документальное упоминание Григория Скуратова встречается в Дворовой тетради за 1550-е годы, где перечислялись бояре, дьяки, князья, дети боярские, дворовые, приказные люди Московской земли. Там Григорий упомянут вместе с двумя своими братьями. Их христианские имена неизвестны, а по-народному их звали Третьяк и Неждан.

Так вот, поскольку военная служба дворянина начиналась с 15 лет, то Скуратов не мог родиться позже 1537 года. Впрочем, он мог родиться и раньше этого года. Насколько – неизвестно.

Затем в документальных свидетельствах о Григории Лукьяновиче Скуратове-Бельском снова наступает длительная пауза. Неизвестно, где он служил. Ясно только, что никакого влиятельного покровителя у него не было. **Свою карьеру**

делал он сам. Вероятно, таким, как наш Малюта, опричниками предоставляла возможность выбиться в люди, сравняться с родовитой знатью.

Григорий Скуратов-Бельский снова всплывает только в 1567 году. В это время он по Разрядным книгам числится «головою», то есть одним из офицеров, в опричном войске, ведшем войну в Ливонии.

Здесь, как видим, информация сразу о двух предметах. Во-первых, опричники занимались не только тем, что насиловали и грабили. Опричное войско входило в вооруженные силы Московского царства и участвовало в военных действиях. Во-вторых, вступление Скуратова в опричнину должно было состояться раньше 1567 года. Возможно, он вступил туда с самого ее учреждения. Но долго не имел возможности продвинуться наверх.

Соперники Скуратова: Вяземский и Басманов

По всей видимости, Скуратов начал карьеру в опричнине с самой низкой ступени. Копируя у себя в Александровской слободе церковную иерархию, Иван Грозный называл эту должность параклисиархом, что по-гречески означало пономаря. Так что Скуратову пришлось пробивать себе дорогу с самых низов.

Одним из них был князь Афанасий Вяземский. Он встречается в списках ближайших сподвижников царя с 1550 года. Свое место в числе советников Ивана IV он занял после Полоцкого похода, когда весьма умело распоряжался движением обозов. То есть был превосходным, как бы его назвали сейчас, армейским логистом.

Афанасий Вяземский сопровождал Ивана Грозного при отъезде того в Александровскую слободу. Потом межевал земли для опричнины. Вскоре, когда царь решил копировать у себя в столице опричнины «монастырь» и сам провозгласил себя его «игуменом», то сделал Вяземского его «келарем». Этот сан в монастыре означал хозяйственного начальника, ведающего прежде всего продовольственными запасами и их расходом. По аналогии с позднейшими должностями Вяземского можно назвать генерал-квартирмейстером опричного войска.

Вяземский опять-таки не только бражничал с царем и занимался убийствами. Он участвовал в переговорах о перемирии с Литвой, со Швецией. Постепенно Вяземский стал одним из самых доверенных лиц царя. Только из его рук Иван Грозный принимал лекарства, составленные его немецкими и английскими лейб-медиками. Одновременно Вяземский выполнял тайные дипломатические поручения царя. Он вел переговоры с представителями Московской компании² о военном союзе России с Англией и о возможном убежище Ивана Грозного в этой стране на случай его свержения в России.

Федор Басманов был сыном весьма ценимого Иваном Грозным Алексея Басманова, военачальника, одного из организаторов опричнины с первых ее шагов. Еще до опричнины Басмановы отбили крымских татар от Рязани, за что царь пожаловал их золотыми монетами.

В 1568 году Федор Басманов выполнил одно из важных поручений царя, объявив о решении церковного собора о лишении сана оппозиционного митрополита Филиппа. Басманов также не занимался одними убийствами и оргиями. В 1569 году мы встречаем его имя среди воевод, оберегавших от крымских татар южные рубежи Русского государства.

Князь Курбский, после того как стал политэмигрантом,

² *Московская компания* (англ. Muscovy Company) – английское торговое предприятие, имевшее монополию (из стран Европы) на торговлю с Россией. – *Прим. ред.*

обвинял царя в мужеложестве с Федором Басмановым.

Как бы там ни было, видим, что потеснить этих царских любимцев Скуратову было очень трудно. Но он справился.

Убийство удельного князя Владимира Андреевича Старицкого и его семьи

Владимир Андреевич был двоюродным братом царя Ивана IV, сыном умершего в заточении князя Андрея Ивановича Старицкого. Немудрено, что сын мог мечтать о мести за отца.

Оппозиционные круги боярства рассматривали кандидатуру Владимира Андреевича как основную в случае устранения по той или иной причине Ивана IV. В 1553 году, когда царь опасно занемог, многие бояре отказывались присягать его малолетнему сыну, открыто заявляя, что лучше предпочтут зрелого Владимира Андреевича. Выздоровев, царь на время затаил обиду и стал готовить месть.

Внешне братьев долго связывали приязнь и любовь. Владимир Андреевич, замещал царя в Москве во время похода того на Казань, а позже участвовал вместе с царем в покорении Казани. Затем Иван IV официально назначил Владимира Андреевича регентом на случай своей смерти при малолетнем сыне. Возглавлял Старицкий князь русские рати и в Ливонской войне.

В 1569 году, когда турецкий султан угрожал Астрахани, Иван IV назначил двоюродного брата начальником ратей, посланных на защиту этого нового русского владения. Но Владимир Андреевич был вызван в Александровскую

слободу. Дело против своего брата царь поручил Скуратову.

Двор Владимира Андреевича был окружен войском опричников за несколько верст до Александровской слободы. Князя арестовали вместе с семьей. Скуратову было дано царское указание найти какие-нибудь факты, изобличающие злой умысел брата в отношении Ивана IV.

Скуратов принялся за дело профессионально. Он решил выбить показания из царского повара по прозвищу Молява. Ему подбросили какой-то порошок, который объявили ядом. В доме у Молявы нашли крупную по тем временам сумму денег – 50 рублей, которые он якобы получил от Владимира Андреевича за отравление царя. Под пыткой Молява подтвердил намерение извести государя ядом по наущению Старицкого князя. Что характерно: Молява до суда не дожил.

Но «суд» в те времена был царским словом и не требовал свидетелей и какого-то состязательного процесса. Со всеми требуемыми материалами следствия Скуратов пришел к Ивану IV. Скуратову было поручено зачитать Владимиру Андреевичу приговор. «Царь считает тебя не братом, но врагом, поелику может доказать, что ты покушался не только на жизнь его, но и на правление», – сообщил Скуратов Владимиру Андреевичу. В виде особой милости царь разрешил князю избрать себе вид смерти, и тот выпил присланный ему яд.

Репрессиям подверглась вся семья Владимира Андреевича. Его мать Ефросинья, урожденная княгиня Хованская,

давно подвизавшаяся в монастыре под именем инокини Евдокии, была по приказу царя утоплена в реке. Жену Владимира Андреевича, Евдокию, урожденную княгиню Одоевскую, принудили выпить яд вместе с мужем. Опричники убили стрелами двух малолетних дочерей и двух сыновей Владимира Андреевича, младшему из которых не исполнилось и года. Иван Грозный любил играть со своими жертвами. Дети Владимира Андреевича остались живы. Василий Владимирович даже унаследовал Старицкий удел, а Евфимию Владимировну царь хотел выдать замуж за своего союзника, датского принца Магнуса.

Успешно проведенное «расследование» дела князя Владимира Андреевича повысило доверие царя к Скуратову и свидетельствовало о резко возросшем авторитете Малюты среди опричников.

Убийство бывшего митрополита Филиппа

В 1566 году церковный собор, следуя воле Ивана Грозного, избрал митрополитом Московским и всея Руси известного своей праведностью игумена Соловецкого монастыря Филиппа, в миру боярина Федора Колычева. На первых порах это избрание было воспринято всей страной с надеждой. Царь любил советоваться с Филиппом, а размах опричного террора на первых порах даже вроде бы уменьшился.

Но принципиальность митрополита не могла не привести его к столкновению с царем. Филипп все чаще обличал беззакония опричников, а однажды даже отказался дать им благословение. Царь понял, что со строптивым митрополитом всего задуманного не сделаешь. Филиппа насильно низвергли из сана. Была снаряжена пародия церковного суда над ним. Во главе обвинения встал новгородский архиепископ Пимен, метивший на место митрополита. Филиппу были предъявлены вздорные обвинения в колдовстве, что грозило ему сожжением заживо.

Однако же царь тогда еще не имел намерения убивать популярного в народе митрополита. Он ограничился ссылкой его в Отроч Успенский монастырь в Твери. Туда, в этот монастырь, завернул Малюта Скуратов по дороге в Новгород.

По всей видимости, несмотря на опалу, Иван Гроз-

ный продолжал считать Филиппа опасным противником своей власти. Возможно, Скуратов несколько перестарался, выполняя царский приказ. Непосредственных свидетелей убийства митрополита не было. Дело было обставлено так: Скуратов заехал в монастырь, а вслед за тем Филиппа обнаружили в его келье мертвым, причем объявили, будто он умер от угара.

Однако в народе не сомневались, кто был истинным убийцей бывшего митрополита и по чьему приказу это было сделано. Летописцы донесли до нас общую молву того времени. Ни одно преступление, как бы его ни таили от современников, не остается скрытым от истории, даже если его вершат главные слуги первого лица государства.

Расправа с Новгородом

А Скуратов ехал в Новгород, чтобы быть рядом с царем во время разгрома города.

Хотя с момента завоевания Новгорода Москвой прошло уже почти сто лет, царь по-прежнему боялся мятежного духа новгородцев. Возможно, у него были для того основания. Новгородская земля продолжала рассматриваться Москвой как огромная колония, лояльности которой не могли добавить практиковавшиеся в течение десятилетий депортации знатных новгородцев в другие места Московского государства и заселение Новгородской земли дворянами и купцами из Великороссии.

Новгородский архиепископ Пимен был недоволен тем, что митрополичий престол после Филиппа достался не ему. Может быть, при царском дворе считали, что недовольный Пимен становится опасен. Вместе с владыкой репрессиям решили подвергнуть весь город, находившийся, как традиционно считалось, под иностранным влиянием.

Незадолго до того Скуратов получил извет (донос) от некоего Петра Вольнца, что Пимен и бояре «желают Новгород и Псков отдать польскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси злым умышленьем извести». Намерение перейти под власть Литвы и Польши было традиционным

обвинением московских правящих кругов в адрес новгородцев еще со времен Ивана III, деда Ивана Грозного.

То, что донос был доставлен именно Скуратову, свидетельствует, что в его руках со времен «дела» князя Владимира Андреевича царь сосредоточил все, что было связано с государственными изменами. Как мы бы сейчас сказали, Скуратов стал первым в истории России шефом службы госбезопасности.

Скуратов сообщил о доносе царю. Тот приказал своему любимцу втайне готовить карательный поход на Новгород.

По дороге опричники разорили Тверь и Торжок, казнив там без суда множество людей. В одном Торжке было убито, судя по «синодикам»³ Ивана Грозного, полторы тысячи человек.

Зимой 1570 года войско опричников окружило Новгород. Пять дней там били духовных лиц, требуя с каждого выкуп 20 рублей. На шестой день в Новгород прибыл царь, и тут начались настоящие казни. Сначала Иван Грозный велел забить дубинами до смерти тех игуменов и монахов, которые стояли на правее. Затем к нему привели бояр, боярских детей и крупных купцов, которых перед его прибытием взяли под стражу. Вместе с ними привели их жен и детей. Царь велел всех их раздеть и пытать огнем. Замученных пытками

³ *Синодики опальных* – синодик для церковного поминовения, написанный по указанию царя Ивана Грозного. Составлен с целью поминовения лиц, пострадавших в годы его правления. – Прим. ред.

людей привязывали к лошадиным хвостам, волокли по снегу и бросали в прорубь на Волхове. Женщинам связывали руки, привязывали к ногам детей и бросали в реку в таком виде. Тех, кто пытался выплыть, добивали баграми.

Так продолжалось шесть недель. По некоторым подсчетам современников, тогда в Новгороде и окрестностях было истреблено до 15 тысяч человек. Эта цифра сложилась из того, что каждый день, по свидетельствам, царь казнил до 1000 человек и очень редко – человек 500. Все лето в Волхове всплывали трупы убитых, и иноки не успевали их хоронить.

Наконец царю наскучили ежедневные кровавые зрелища. Он собрал уцелевших жителей Новгорода и объявил им прощение. Сам мнимый виновник этих истреблений, архиепископ Пимен, избежал казни. Он был в оковах отправлен в заточение, где на следующий год умер.

Из Новгорода царь отправился в Псков с намерением произвести там такую же расправу. Но по прибытии в этот город он умилился зрелищем народа, лежавшего ниц на земле и покорно ждавшего своей участи. Возможно, настроение царя переменялось. Псков остался цел.

Расправой над Новгородом руководил царь. Малюта участвовал в этом вместе со своим покровителем и показал полную беспощадность и преданность царю, что еще больше увеличило доверие Ивана Грозного к Малюте. С этого момента Скуратов становится ближайшим царским сотруд-

НИКОМ.

Расправа с соперниками

Летом того же года Скуратов почувствовал себя настолько сильным, что считал возможным устранить своих соперников у подножия царского престола.

Иван IV поручал Скуратову расследовать дела об измене не только ради продолжения казней, а с прицелом на дальнюю перспективу. **Он сам стал побаиваться своего детища – опричнины.** Эта параллельная армия, выросшая к тому времени до 6000 человек, начинала внушать страх не только земщине. Своеволие и недисциплинированность опричников могли сработать против своего учредителя. Кроме того, царь был не настолько глух, чтобы не слышать по всей стране общий ропот на свое детище. А Иван Грозный любил поиграть в справедливость.

Весной 1570 года Скуратову было поручено продолжить новгородское дело в Москве. По всей видимости, Малюте была предоставлена полная свобода действий в добывании так называемых «доказательств», невзирая на лица. Это открывало Скуратову возможность расправиться со своими конкурентами – старым руководством опричнины.

Поводов для этого у Скуратова было предостаточно. Еще зимой Алексей Басманов, один из первых соратников царя по опричнине, отец царского любимца Федора Басманова, выступал против карательной экспедиции в Новгород. Види-

мо, кровавые казни начинали надоедать даже самым отъявленным палачам. Князь Афанасий Вяземский, согласно доносу, якобы предупредил новгородских заговорщиков, и тем удалось скрыться, поэтому царские массовые казни не дали того результата, какого от них ждали, то есть перелома на внешнем фронте.

Вяземский был арестован одним из первых. Под пыткой он, похоже, оговорил себя во многих преступлениях, поскольку его имя отсутствует в царском поминальном «синодике». До публичной казни Вяземский не дожил, умер в застенке. Одного соперника Скуратов устранил.

По-видимому, Вяземский показал на Басмановых как на сообщников, что и было нужно Скуратову. Но удар по главным опричникам необходимо было замаскировать очередными массовыми репрессиями. Под каток снова попали многие уважаемые люди, члены московской правящей элиты, в том числе дьяк Посольского приказа Иван Висковатый, Главный советник царя по вопросам внешней политики, хранитель большой государственной печати.

В июле дознание завершилось, и на эшафот вывели 300 человек. Царь снова поиграл в милостивого правителя: он тут же пощадил часть из них. Но остальные умерли лютой смертью. Скуратов сам начал экзекуции, собственноручно отрезав ухо у Висковатого. Вслед за тем дьяка подвесили вверх ногами и рассекли на части.

Казни подверглись думный советник Захария Очин-

Плещев, Иван Воронцов, Василий Разладин, Михаил Лыков и многие другие знаменитейшие и уважаемые сановники. Кого-то жгли на огромной, специально сделанной для того сковороде, кого-то попеременно обливали кипятком и ледяной водой, пока он не умирал, кого-то перетирали надвое веревками... «Праведно ли я караю лютыми муками изменников?» – картинно вопрошал царь у согнанного на площадь перепуганного столичного люда. «Будь здоров и благополучен! – отвечал уstraшенный народ. – Преступникам и злодеям достойная казнь!»

Тела казненных велено было не погребать. Они лежали несколько дней, терзаемые бродячими псами. На следующий день были утоплены в Москве-реке жены казненных. Все имущество осужденных перешло опричникам.

Басмановы избежали публичной казни. Царь предложил Федору Басманову доказать свою любовь к нему, собственноручно зарезав отца. Федор исполнил это требование на глазах у Грозного. После чего тот молвил: «Предал отца – предашь и царя!» – и велел заточить своего прежнего любимчика в темницу. Федор Басманов, по одной из версий, умер через год в заключении, так и не дожив до казни.

Соперников за «сердце царево» у Скуратова больше не было.

Сожжение Москвы крымским ханом. Очередные «чистки»

В 1571 году на Москву двинулся крымский хан Девлет-Гирей. Ему удалось обмануть московских воевод, стороживших его у бродов на Оке. Крымцы переправились через Оку и быстрее, чем двигались русские рати, подступили к Москве. Такого большого и укрепленного города войско кочевников взять, конечно, не могло. Но это им было и не нужно.

В ветреный ясный день хан приказал поджечь деревянные предместья Москвы. Огонь быстро распространился на весь город. **То был самый большой пожар Москвы вплоть до самого 1812 года.** По свидетельству современников, выгорел весь город, а в округе на 30 верст от Москвы не осталось целым ни одного деревянного строения. Число жертв пожара современники, вероятно, преувеличивают. Но в любом случае они наверняка исчисляются десятками тысяч. Воевода князь Иван Бельский, ответственный за оборону столицы, задохнулся в дыму.

Царь в это время находился под Ростовом. Узнав о несчастье, постигшем столицу, он пытался умиловить крымского хана ложным обещанием отдать Астрахань в обмен на сохранение за Москвой Казани (и так вел переговоры целый год, до победы летом 1572 года русского войска над крымца-

ми у села Молоди). Но одновременно Иван IV требовал найти виновных в случившемся. Во главе расследования вновь был поставлен незаменимый и уже единственный в своем роде Малюта Скуратов.

В опричнине еще оставались помехи неограниченной власти Скуратова. Одной из них были органы управления опричниной, копировавшие такие же учреждения земщины. Во главе управления формально стояла опричная Дума, первоприсутствующим в которой был князь Михаил Черкасский, родственник царя по второй жене. Его и выставил Скуратов главным виновником московской трагедии. Вместе с Черкасским были казнены несколько опричных воевод, якобы не сумевших помешать походу Девлет-Гирея.

Упразднение опричнины. Царский воевода

Во время московского пожара сторел Опричный двор – «штаб-квартира» опричнины в Москве. Вообще царь, похоже, охладевал к своему прежнему детищу. Опричнина явно не оправдывала возлагавшихся на нее надежд. Беспощадный террор «по площадям» в тылу никак не мог приблизить победу на фронте Ливонской войны, где дела шли все хуже и хуже. Опричнина, задуманная как альтернатива традиционной земщине, не показала себя более лояльной к царю. Наоборот, как выявили расследования, проведенные Скуратовым, крамола и заговоры против царя гнездились в самой опричнине.

В 1572 году Иван Грозный велел считать опричнину распущенной. Опричное войско влилось на общих началах в вооруженную силу Московского государства. Террор не прекратился, но царь отныне использовал для него традиционные средства самодержавия, вполне к нему пригодные.

Упразднение опричнины было проделано в московских традициях. Иван Грозный велел забыть самое слово «опричнина», а тех, кто станет утверждать, будто такое учреждение было в истории государства Московского, постановил бить нещадно. Этот нелепый указ самого свирепого русского царя

знаменателен своей полной беспомощностью. Он свидетельствует также, что Иван Грозный был недоволен опричниной и теперь стыдился даже того, что подобное установление было им заведено в Российском государстве.

Скуратов становился одним из царских воевод. Нет, конечно, не просто одним из воевод, а наиболее приближенным к государю. И по-прежнему Иван Грозный планировал поручать Скуратову расследование самых важных государственных преступлений. То есть с роспуском опричнины система тайного сыска никуда не делась. Но Скуратову почти не довелось больше служить своему покровителю. Такое впечатление, будто с упразднением опричнины, проведенном не без его активного содействия, Скуратова покинула удача.

Гибель Скуратова. Месть за него царя

Зимой 1572/73 года военные действия в Ливонии шли своим чередом. Войско Ивана Грозного начало очередной поход, намереваясь выбить наконец из Ливонии поляков и шведов. Есть сведения, что противник не ожидал зимнего похода, еще более неожиданным для него оказалось его направление.

В результате войско русских подступило к замку Вейсенштейн (ныне Пайде в Эстонии). Он оборонялся небольшой группой шведских солдат, которым посильную помощь могли оказать разве что мирные горожане да местные крестьяне, укрывшиеся за стенами замка.

Несмотря на столь фантастическое неравенство сил, шведы отвергли ультиматум о сдаче. Они надеялись продержаться до прибытия на помощь крупного отряда своих соотечественников с артиллерией. Пять тысяч против 80 тысяч – вот такое соотношение сил уже было вполне удовлетворительно для шведской армии. Уступая в 16 раз русским в численности, они вполне компенсировали это неравенство своим воинским искусством. Но на этот раз помощь не пришла. Пушечный наряд шведов застрял в болотах. Да и поздно шведское командование узнало о том, что Иван Грозный движется к Вейсенштейну.

Неделю превосходящие числом русские осаждали шве-

дов, проделывая пушечными ядрами бреши в стенах. Наконец 1 января они пошли на приступ стен. По-видимому, при таком неравенстве сил это можно было сделать еще в первый день – все равно где-нибудь да прорвались бы. Но даже и теперь русские умудрились понести большие потери. И самая первая потеря стала самой горестной для царя.

Современные историки при всей своей неприязни к Скуратову признают, что он погиб как герой. Он первый взобрался по приставной лестнице на стену и увлек за собой других ратников. Тут его и сразила неприятельская пуля. Жизненный путь странного человека, совмещавшего в себе таланты следователя-контрразведчика и военачальника с изощренной жестокостью, оборвался.

Иван Грозный страшно рассвирепел, видя смерть своего любимца. Царь приказал не щадить никого, кто попадет на улицах Вейсенштейна. Убивали всех жителей от мала до велика, грабили дома, насиловали женщин.

Воины точно исполнили царский приказ. Начальника гарнизона Ганса Боя с несколькими офицерами взяли в плен, для удовольствия царя привязали к кольям и живьем зажарили на медленном огне. Уцелело лишь несколько крестьян, которые всю кричали, что они – подданные Иванова союзника, герцога Магнуса, которого Иван Грозный провозгласил королем Ливонии в 1570 году, и им поверили. От них история и узнала подробности резни в Вейсенштейне.

Справив кровавую тризну по ближайшему соратнику, Иван Грозный, удрученный его смертью, прекратил поход. Он отправил гроб с телом Скуратова на родину и сам пешком провожал его до самого Новгорода.

Потомство. Наследие

Захоронение Малюты Скуратова не сохранилось. Есть две версии, где он был погребен. Согласно одной (признанной почти всеми исследователями времен Грозного), его отпели и предали земле в Иосифо-Волоколамском монастыре, рядом с могилой отца, который, как мы уже говорили, был вкладчиком этой обители. По другой версии, Скуратов был захоронен в Москве, в церкви святого Антипия на Колымажном дворе.

Эта церковь заслуживает отдельного упоминания как память рода Скуратовых. Известно, что в 1627 году в ней был похоронен правнук одного из братьев Григория Малюты-Скуратова. По некоторым предположениям, начало погребению рода Скуратовых в этой церкви было положено Малютой. Сам Григорий Скуратов-Бельский, возможно, был одним из строителей (вкладчиков) церкви, давшим деньги на ее возведение. На эту мысль наталкивает то, что один из приделов первоначального храма был посвящен святому Григорию Декаполиту. Сама церковь была выстроена предположительно в середине XVI века на той части территории Москвы, которая была отобрана в опричнину и откуда были выселены прежние жители. Предполагают, что рядом располагалась усадьба Скуратова в годы опричнины.

Установить все это доподлинно теперь невозможно. Храм несколько раз горел и перестраивался.

Иван Грозный высоко почтил память своего погибшего соратника. Для его поминаения он дал вклады по церквям в размере 150 рублей.

Более того, вдова Малюты, о которой известно только имя, – Марья, по смерти мужа получала от царя пожизненную «пенсию». Возможно, это был первый такой случай в истории Российского государства. Обыкновенно же вдовы даже самых высокопоставленных деятелей уходили в монастырь, предварительно жертвуя ему свое имущество в качестве содержания, из которого потом и кормились.

Мужского потомства Григорий Скуратов-Бельский не оставил. Его единственный сын, по крестильному имени Максим и по прозвищу Горяин, умер в детстве, но уже после смерти отца. Зато всех дочерей Скуратов успел пристроить весьма удачно.

Старшая дочь, Анна Григорьевна, вышла замуж за князя Ивана Михайловича Глинского. Он был сыном родного брата матери Ивана Грозного Елены Глинской – князя Михаила Васильевича Глинского. Следовательно, приходился двоюродным братом самому царю. Правда, известного потомства этот брак не оставил.

Вторая дочь Малюты Скуратова, Мария, наиболее удачно, как казалось одно время, вышла замуж. Ее супругом

стал боярин Борис Годунов, который возвысился как раз при Иване Грозном, служа в опричнине. После избрания ее мужа в 1598 году на царство Мария Скуратова-Бельская стала царицей. Правда, династия Годуновых вскоре пресеклась очень неприятным образом. После внезапной смерти Бориса Годунова его 16-летний сын Федор процарствовал меньше двух месяцев и был свергнут и убит сторонниками первого Лжедмитрия. Вместе с сыном была убита и царица-мать. Дочь Марии Скуратовой Ксения была заточена в монастырь, откуда ее, по некоторым слухам, Лжедмитрий I насильно брал себе на утеху.

Младшая дочь Малюты Скуратова, Христина (Екатерина), стала женой видного боярина, князя Дмитрия Ивановича Шуйского. Этот Дмитрий Иванович был братом Василия Шуйского, которого в 1606 году избрали московским царем. Христина (Екатерина) заслужила по себе недобрую славу. Она, по всеобщему мнению, отравила героя освобождения Москвы от шаек второго Лжедмитрия, молодого полководца Михаила Скопина-Шуйского, видя в нем конкурента своему мужу за наследование трона. Возможно, что в этом народном убеждении не последнюю роль сыграло происхождение Екатерины Шуйской от палача всея Руси Григория Скуратова-Бельского.

Современники поставили едиனுдушную однозначную оценку Малюте Скуратову. Он навсегда остался символом лютной необузданной жестокости. Но нужно

помнить, что в этом отношении Скуратов был только тенью своего повелителя Ивана Грозного, которому старался всячески угождать. Оба являются видными строителями российской государственности, которая не могла не запечатлеть на века в своих характерных чертах личные свойства ее главных творцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.